

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор более 80 научных публикаций*

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЕЙ
А. ШЮЦА И Т. ЛУКМАНА**

В статье исследуется проблема социального трансцендирования как одного из важнейших условий достижения социальной стабильности и единства, как метода осуществления социальной интеграции. Рассмотрение трансцендирования в социальном аспекте является весьма перспективной задачей ввиду важности и недостаточной разработанности данной проблематики. Одним из необходимых источников, составляющих теоретико-методологическую базу исследования, выступает социально-феноменологическая теория трансцендентностей Альфреда Шюца и Томаса Лукмана. На основе ее изучения формируется феноменологическая трактовка социальных трансцендентностей, а также выявляются сущностные особенности социального трансцендирования. Выделяя три вида трансцендентностей – «малые», «средние» и «великие», авторы теории трансцендентностей показывают, что социальный характер имеют только «средние» и «великие». Однако все три указанные разновидности аппрезентируются с помощью признаков, знаков и символов. «Средние» трансцендентности интересубъективны, наличествуют в мире повседневности, указывают на непознанные стороны Другого. Интересубъективные трансцендентности непреодолимы, но с помощью восприятия по аналогии возможно вероятностное понимание Другого, причем опыт Другого переживается в коммуникативной ситуации Мы-отношения. «Великие» трансцендентности – сна, сновидений, экстазов, смерти, теоретических ориентаций – связаны с внеповседневной реальностью, знаменуют собой решительный выход за рубежи обыденной жизни. Такой выход может реализовываться как поступательно, так и скачками, как непроизвольно и хаотично, так и спланированно и систематически. Стремясь преодолеть «средние» и «великие» трансцендентности как нечто необъяснимое и непредсказуемое, а потому социально опасное, люди истолковывают их творчески в различных коммуникативных ситуациях, увязывая с определенными смыслами и значениями. В ходе данного процесса происходят смысловая организация и упорядочивание социума, укрепление его безопасности и стабиль-

---

*Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: joan_lat@mail.ru

Для цитирования: Латышева Ж.В. Проблема социального трансцендирования в контексте теории трансцендентностей А. Шюца и Т. Лукмана // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 4. С. 100–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.100

ности. Автор делает вывод о том, что социальное трансцендирование носит коммуникативно-семантический характер и таковым предстает в различных сферах социального творчества – науке, искусстве, религии, философии и т. д.

Ключевые слова: социальная трансцендентность, социальное трансцендирование, интерсубъективность, Другой, А. Шюц, Т. Лукман.

Общество XXI века – это сложная аутопойетическая система, включающая в себя многоуровневый порядок подсистем. Глубокая дифференцированность общества есть, несомненно, позитивный результат его эволюции, однако подобная разделенность содержит в себе и немалые проблемы, прежде всего проблему единства общества, основания этого единства. Если в Средние века социальная целостность достигалась за счет религии, охватывающей все ярусы и сегменты общества единым мировоззрением, трансцендентными и всеобщими смыслами и ценностями, то сегодня ни одна из социальных подсистем – в силу ряда причин – не в состоянии высокоэффективно выполнять роль социального интегратора.

Социальное единство, как следствие, становится во многом прерогативой и заботой самих индивидов, творящих общественный мир посредством своей духовно-материальной деятельности, преобразующих в своем сознании и внешней жизни дифференцированность и разрозненность социума в некую общность, а в лучшем случае – гармоническую, взаимосвязанную картину объективной и субъективной социальных реальностей, бытия в целом. Возможности данных интегративных процессов обеспечиваются, на наш взгляд, наличием такой человеческой способности, как трансцендирование.

Традиционно употребление в философской литературе термина «трансцендирование» связывается с религиозно-мистическим контекстом (Плотин, Августин, Дионисий Ареопагит и др.) [1, с. 140–141; 2, с. 599; 3, с. 262; 4, с. 57; 5, с. 745]. Однако в последние десятилетия указанный термин все чаще употребляется и рассматривается в онтологическом, гносеологическом и даже

социальном ключе. Так, А.Р. Аминова, М.А. Пушкирева, С.В. Димитрова выделяют в трансцендировании в первую очередь онтологический и гносеологический аспекты, представляя его как «системообразующий элемент духовной деятельности» [6, с. 47–79; 7, с. 35–88] и особое экзистенциальное движение к подлинному бытию [8, с. 103–107]. А.О. Карпов усматривает в трансцендировании особый метод познания, охватывающий рациональность и чувственность человека [9, с. 105–119]. Согласно Б.Г. Акчурина, трансцендирование выступает способом бытия телесности как социокультурного феномена [10, с. 237–238]. Подобное изменение ракурса рассмотрения неудивительно, т. к., будучи универсальной характеристикой человеческого бытия, трансцендирование имеет место везде и всегда, где и когда мы видим проявления сущностно человеческого.

Исходя из этого, представляется весьма актуальным исследование различных проявлений и модусов трансцендирования, значимых в социальной перспективе человеческого бытия. Следовательно, раскрытие особенностей трансцендирования в данной перспективе, т. е. изучение *социального* трансцендирования, является целью настоящей работы. Подчеркнем, что всю богатую семантику социального трансцендирования охватывает, на наш взгляд, предлагаемое нами определение его как устремленности людей к социальному единству через индивидуально-совместное преодоление рамок своего биологического существования, выражающееся в постоянном конституировании и конструировании себя, Другого (Других), повседневных и внеповседневных реальностей, создающее тем самым общество и одновременно включенное в социальный процесс.

Для реализации заявленной цели обратимся к анализу одной из наиболее значимых с вышеуказанной точки зрения теорий – *теории трансцендентностей*, совместно созданной А. Шюцем и Т. Лукманом. Мы считаем, именно она будет способствовать выявлению существенных характеристик изучаемого процесса. Отметим, что рассмотрению этой теории мы посвятим две статьи ввиду важности исследуемой проблематики, а также необходимости тщательной ее разработки. В настоящей – первой – статье мы эксплицируем основные виды социальных трансцендентностей и обозначим возможности их преодоления, во второй подробнее раскроем способы, средства и механизмы социального трансцендирования.

Итак, теория трансцендентностей являет собой тщательное обоснование и дальнейшую разработку идей А. Шюца, представленных в его трудах «Значение Э. Гуссерля для социальных наук», «Обыденная и научная интерпретация человеческого действия», «О множественных реальностях», «Основные понятия феноменологии», «Размышления о проблеме релевантности», «Символ, реальность и общество», «Социальный мир и теория действия», «Феноменология и социальные науки», «Формирование понятия и теории в социальных науках»¹ и др. Эта теория изложена в совместной работе А. Шюца и Т. Лукмана «Структуры жизненного мира». В ней создатель социальной феноменологии изначально планировал дать детальное феноменологическое описание исходных структур повседневного опыта, выступающих фундаментом социальных действий

и всей деятельности человека. Однако претворить в жизнь данный проект довелось уже после смерти А. Шюца именно Т. Лукману.

В таком контексте совершенно справедливо мнение Е.Д. Руткевич, считающей, что «Структуры жизненного мира» носят пограничный характер: притом что исследование направлено на развитие шюцевой методологии и высвеченной им проблематики, его реализацию обеспечил Т. Лукман. Благодаря последнему проблемы феноменологической социологии знания, рассмотренные в соответствии с подходом А. Шюца, получили скрупулезную разработку [11; 12, с. 81–82]. В то же время необходимо отметить, что сам Т. Лукман считает себя вторичным автором, т. к., несмотря на написанную им совершенно новую четвертую главу, связывает свои достижения только с дополнением, развитием и тщательной аргументацией одного из фрагментов исследований А. Шюца. Интересно также, что, с позиции Й. Дреера, в «обработке Лукмана глава VI тома 2 “Структур жизненного мира” отличается от манускрипта и запланированной главы V о “знаках и символах”» [13, с. 4]. Поэтому мы снова подчеркнем пограничный характер названного текста и, ссылаясь на него в настоящей статье, всегда будем указывать двух авторов – А. Шюца и Т. Лукмана. Кроме того, Т. Лукман развивает данную теорию в некоторых последующих своих трудах².

Трансцендентность, согласно рассматриваемой теории, *феноменологически* определяется как *то, что находится за пределами непосредственной очевидности опыта*. А. Шюц и Т. Лукман выделяют три типа, или комплекса

---

¹Шюц А. Значение Э. Гуссерля для социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 151–160; *Его же*. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Там же. С. 7–50; *Его же*. О множественных реальностях // Там же. С. 401–455; *Его же*. Основные понятия феноменологии // Там же. С. 161–179; *Его же*. Размышления о проблеме релевантности // Там же. С. 233–398; *Его же*. Символ, реальность и общество // Там же. С. 456–529; *Его же*. Социальный мир и теория действия // Там же. С. 97–115; *Его же*. Феноменология и социальные науки // Там же. С. 180–201; *Его же*. Формирование понятия и теории в социальных науках // Там же. С. 51–68.

²Luckmann T. Social Reconstruction of Transcendence // *Secularization and Religion: The Persisting Tension* (Acts of the XIXth Interantional Conference for the Sociology of Religion. Tübingen 1987, 25–29 August). Lausanne: CISR, 1987. P. 23–31; Luckmann T. Die unsichtbare Religion. Mit einem Vorwort von H. Knoblauch. Frankfurt a/Main: Suhrkamp, 1991. 191 S.

трансцендентностей: «малые» («kleinen»), «средние» («mittlere») и «великие» («großen»). При этом специфика указанных трансцендентностей на всех уровнях состоит, как уже отмечалось, в том, что они не могут быть восприняты непосредственно, а *аппрезентируются* в признаках, знаках и символах.

«Малые» трансцендентности связаны с возникновением ситуаций, в которых временно перестают срабатывать идеализации «И так далее», «Я могу это снова», т. е. они обусловлены обнаружением отчетливых пространственно-временных границ человеческого опыта. Однако данные границы впоследствии можно преодолеть. Именно по этой причине авторы теории трансцендентностей подробно анализируют условия и обстоятельства такого трансцендирования. С позиции А. Шюца и Т. Лукмана, превосходение границ опыта возможно постольку, поскольку «настоящий опыт либо по своей сути, либо в тематическом поле, или даже только на горизонте делает ссылку на нечто не эмпирическое, представляющееся, однако, точно таким же эмпирическим, как и настоящий опыт»³. Таким «не эмпирическим» способны выступать: предыдущий опыт человека, отнесенность к уже знакомым типам предметов или событий или же просто связь со сферой повседневности. При этом человек твердо знает, что переживаемое им в настоящий момент практически уже знакомо ему и не требует ни глубокой трансформации «стиля опыта» (А. Шюц, Т. Лукман), ни повышения степени напряженности сознания⁴.

Следует отметить справедливость того, что, согласно авторам рассматриваемой теории,

повседневное знание не означает полного понимания и применения человеком всего его предшествующего опыта или запаса сведений, а подразумевает выделение для себя каких-либо определенных моментов. При этом важно, что подобное выделение осуществляется на бессознательном уровне – «в автоматических процессах сознания» и «в ссылках, которые дальше не прослеживаются» (А. Шюц, Т. Лукман). Существенно еще и то, что человек может ошибаться в своих выводах на основе предшествующего опыта, знаний и «ссылок»⁵.

А. Шюц и Т. Лукман уточняют, что «малые трансцендентности повседневной действительности воспринимаются типично как существование предметов опыта вне досягаемости, бывших когда-то в зоне досягаемости»⁶. То есть именно указание на нечто, бывшее ранее в зоне досягаемости⁷, и трансцендирует настоящий опыт. Авторы замечают, что при столкновении с «малой» трансценденцией настоящий опыт не только соотносится с прежним, но и делается ссылка на опыт будущий⁸. Затем происходит автоматическое включение идеализаций «И так далее», «Я могу это снова», «Ceteris paribus» («При прочих равных условиях») – так рассматриваются возможности и оцениваются шансы преодоления трансцендентности.

Тщательность разработки теории трансцендентностей проявляется и в том, что ее авторы четко определяют статус промежуточной ступени между «малыми» и «средними» трансцендентностями, называя ее «общественным изменением “малых” трансцендентностей». Под ним

³Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 2. Frankfurt a/Main: Suhrkamp, 1984. S. 147.

⁴Ibid. S. 148.

⁵Ibid. S. 148–149.

⁶Ibid. S. 149.

⁷Зона досягаемости, по А. Шюцу и Т. Лукману, включает в себя не только достигаемую для человека предметно-пространственную среду, но и радиус действий человека в этой среде, зону манипулирования.

⁸Это мнение высказывается на основе интересного рассуждения о забытой дома книге. В нем тщательно анализируются различные варианты указаний, которые помогли обнаружить факт «забвения», или, иными словами, трансцендировать наличный опыт. Вместе с тем в предлагаемом примере намечаются пути преодоления «малой» трансценденции (т. е. в данном случае возвращения книги в зону досягаемости).

подразумевается такая ситуация, когда Другой «видит то, что происходит за моей спиной, и я знаю это, потому что я вижу, что происходит за его спиной»⁹. Именно в подобной ситуации человек, что немаловажно, начинает ощущать и границу своего внутреннего опыта, и границу «своего опыта других».

Характеризуя «средние» трансценденции (трансценденции Другого), А. Шюц и Т. Лукман правильно указывают, что таковые, так же как и «малые», связаны с повседневной реальностью. Но если «малые» трансценденции можно преодолеть, то рубежи «средних» человек перейти не в состоянии. Вместе с тем, как обнаруживают социальные феноменологи, в сравнении с «великими» трансценденциями за эти границы можно направить взгляд и обнаружить нечто знакомое, близкое¹⁰. Кроме того, так же как и в других типах трансценденностей, в «средних» теперешний опыт делает «ссылку» на что-то иное – в данном случае ссылку на то, что доступно опосредованному знанию. Вместе с тем реальность и непосредственное присутствие этого иного не требуются.

Развивая подход Э. Гуссерля к проблеме понимания Другого, А. Шюц и Т. Лукман полагают, что восприятие Другого возможно по аналогии, причем последняя проистекает из самой природы Другого (т. е. Другой – это, например, не камень или собака, а именно другой человек). Принцип аналогии подразумевает и взаимную видимость Я и Другого, но видимость не позволяет проникнуть в то, *как именно* Я воспринимается Другим, «испытать» деятельность сознания Другого¹¹. В то же время можно постараться вообразить, додумать видение «меня» Другим, истолковывая различные признаки и знаки. При удачном исходе данного начинания появится уверенность в том, что «мое» присутствие не осталось незамеченным,

равно как и возникнет знание (не являющееся, правда, абсолютно достоверным) того, *как именно* представляет «меня» Другой¹².

Стоит отметить, что опыт видения, который для А. Шюца и Т. Лукмана выступает непеременимым условием взаимопонимания, в исследованиях французского философа М. Мерло-Понти расширяется до опыта мира. В большинстве своих работ М. Мерло-Понти уделяет внимание видению как такому опыту, благодаря которому видящий общается с мирозданием, приближает его к себе. Способность видения предстает важным элементом системы трансцендирования, поскольку человек способен осуществляться «вне самого себя, изнутри участвовать в артикуляции Бытия» [14, с. 51] и возвращаться к своему уже целостному Я именно благодаря такому трансцензусу. Воспринимая мир, как пишет французский феноменолог, углубляя и расширяя свою перцепцию, человек вначале несколько отстраняется от истины, для того чтобы впоследствии сильнее почувствовать связь с ней. В результате своего перцептивного трансцендирования человек-философ открывает не свое Я в его необозримой глубине, не совершенное знание, а новое видение действительности и самого себя, неотделимого от этой действительности и живущих в ней людей [15, с. 44].

А. Шюц и Т. Лукман считают, что Другой непосредственно воспринимается как телесность в ее типичности. Однако телесность реферирует нечто невоспринимаемое, но тесно с ней связанное – внутренний мир человека. Важно при этом, что данность в восприятии внутреннего мира Другого изначально и слита с восприятием физического: «Эти “удивительные знания” не присоединяются к предшествующему восприятию тела типичной формы лишь потом в интерпретативных актах; я не свободен в выборе, не могу эти “знания” добавить к восприятию или оставить только при восприятии

⁹Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 151–152.

¹⁰Ibid. S. 152.

¹¹Ibid.

¹²Ibid. S. 152–153.

тела. “Знания” (мне подобные: внутреннее “за” внешним) соединяются скорее с центром восприятия существующего опыта в автоматических синтезах»¹³. Только тогда, когда либо такое восприятие не вносит достаточной ясности о внутреннем мире Другого, либо в результате этого восприятия внутреннее содержание оказывается истолкованным неверно, применяются *суждения*, основанные на «специально определенной очевидности»¹⁴.

Заметим, что, согласно и М. Мерло-Понти, интерес субъективности как сфера взаимного трансцендирования возникает в момент восприятия индивидуальным телом тела Другого как носителя поведения и как «первичного культурного субъекта» [15, с. 241]. Дело в том, что французский феноменолог ставит в центр своего исследовательского внимания человеческую субъективность, трактуя ее как единение ранее считаемых несоединимыми начал: духовности и чувственности, сознательного и бессознательного. Причем в данном слиянии обнаруживается доминанта, очерчивающая жизненное пространство субъективности, и она – не априорно-синтетическая деятельность разума, а «живое психосоматическое “я”, тело, воспринимающее мир – и самим фактом восприятия образующее его и осмысливающее – в подлежащих феноменологическому прояснению универсальных формах или образах» [14, с. 11].

Вышесказанное дает основания считать, что телесность человека, «живое психосоматическое “я”», выступает мощным регулятором трансцендирования. Именно в телесности находят отклик самые высокие откровения духовной жизни, именно телесность является материально-физическим фундаментом, на котором вырастают многообразные интенции духовного

по своему истоку процесса трансцендирования. Только телесность подпитывает трансцендирующего человека эмоционально-чувственной, телесной энергией. Вместе с тем трансцендирование «помещено в бытие» и потому испытывает внешние природные и особенно социальные воздействия. Отсюда, по нашему мнению, трансцендирование не может быть признано сферой исключительной, ничем не ограниченной свободы, поскольку оно всегда оказывается связанным с той социальной ситуацией, в которую помещен человек.

Но что же все-таки лежит в основе опыта *подобности мне* тела и внутреннего мира другого человека? А. Шюц и Т. Лукман полагают, что данный опыт познания возникает в результате *переноса смысла (смысла как единства внутреннего и внешнего опыта себя, единства самопознания)*¹⁵ от воспринимающего на воспринимаемого в форме типизаций. Впоследствии, как доказывают социальные феноменологи, перенесенные таким образом знания обычно находят свое подтверждение в опыте (используется принцип взаимности перспектив и мотивов). Кроме передачи собственного опыта для формирования знаний о «подобности мне» важны те элементы знания, которые проистекают из «общественно объективированных систем толкования»¹⁶.

Ценно в контексте настоящего исследования то, что А. Шюц и Т. Лукман совершенно верно акцентируют внимание на аспекте присутствия в Мы-отношении – отношении, превосходящем ситуацию разобщенности индивидов и, следовательно, выступающем необходимым условием *коммуникативного по своей сути*, как мы полагаем, социального трансцендирования. Обратим внимание на то, что роль коммуникации в сфере

¹³Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 153–154.

¹⁴Ibid.

¹⁵Частью этого целостного опыта является также и различие между происходящим внутри и снаружи человека: испытываемое внутри всегда есть неотъемлемая часть индивида, а его внешнее оказывается опытом, только если индивид сам на него направлен или «снаружи получит толчок» (А. Шюц, Т. Лукман), или же если в данный момент воспринимается людьми как Другой.

¹⁶Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 154.

социального подчеркивает и выдающийся немецкий социолог и социальный философ Н. Луман. С его точки зрения, именно благодаря коммуникации, имеющей место в пространстве культуры и ее семантики, происходят образование социальных систем, продолжение их самоконституции, возникновение более высоких уровней свободы и от-дифференциации системы.

Феноменологи отмечают, что Ближний как живое тело «воплощается», передает свой внутренний мир в «моем» присутствии, т. е. именно в Мы-отношении Я переживаю опыт Другой стороны этого отношения. Однако *непосредственно* в опыте, снова подчеркивают А. Шюц и Т. Лукман, отображается только внешнее Другого, тогда как его внутреннее доступно лишь *опосредованно* (потому и необходимо принимать в расчет возможность ошибочного понимания его). Тем не менее именно такое знание, именно такой взаимный опыт присутствия заставляет быть твердо уверенным в том, что для «моего» повседневного сознания и понимания существование других не становится проблемой. Истинной же проблемой интерпретативных процессов обыденности, согласно феноменологам жизненного мира, выступают действия других людей, а значит, и порождающие эти действия эмоции, чувства, желания, мысли¹⁷.

Третий комплекс трансцендентностей, выделяемый А. Шюцем и Т. Лукманом, составляют «великие» трансценденции как выходы сознания в другие, отличные от повседневной, реальности сферы: сна и сновидений, экстазов, кризисов и смерти, теоретических ориентаций. Авторы делают важное в свете исследуемой нами проблемы наблюдение: повседневный опыт всегда «течет» и никогда не останавливается на какой-либо определенной области; сознание постоянно то «поворачивается» к ней, то «отворачивается» от нее, переходя к другой сфере опыта. И в случае с «великими» трансцендентностями опыт также «отворачивается»

от чего-то, при этом не заменяя себя иным повседневным, а радикально выходя за пределы обыденности. Причем и для той реальности, от которой отказываются, и для того, кто от нее отказывается, действует идеализация «И так далее», вселяющая уверенность в то, что, например, завтра после пробуждения ото сна за окном будет тот же пейзаж и что даже во сне человек принадлежит к тому миру, в котором бодрствовал.

Существенное значение для понимания социального трансцендирования имеет данная А. Шюцем и Т. Лукманом характеристика превосхождения повседневности в экстазах (в т. ч., полагаем, в экстазах религиозных и художественных). Превосхождение может осуществляться как постепенно, как бы «медленно нарастая», так и «скачкообразно». Для него допустим повод извне, и тогда интенсивность деятельности сознания усиливается естественным образом или же человек заставляет себя выходить в иную реальность для достижения своей цели. Экстатические переходы из обыденности, кроме того, могут осуществляться спонтанно и без определенного направления, но бывают хорошо продуманными и регулярными, связанными с навыками тела или дисциплиной сознания¹⁸.

Главным опытом истинной трансценденции, по мнению социологов-феноменологов, является *смерть*. Данный опыт переживается с наибольшей степенью правдоподобности не в связи с собственной смертью, а посредством опыта смерти Другого, и выступает как «опытом границы, так и опытом хотя и сомнительного, но... строго контролируемого перехода границы»¹⁹.

В *теоретической установке* сознания – трансцендентной повседневной установке – человеку раскрывается «отчужденное и угрожающее лицо» повседневной реальности. Именно в сфере теоретического понимания начинается откровенное и бесстрашное вопрошание о тех

¹⁷Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 157.

¹⁸Ibid. S. 168.

¹⁹Ibid. S. 171.

аспектах мира и человека, на которое бы не отважились в повседневности. После перехода в теоретическую область рассеивается глубинный страх смерти, характерный для обыденных размышлений, хотя знание о собственной смерти не исчезает как таковое, а переходит «в объективные связи толкования» (А. Шюц, Т. Лукман). При этом чем больше укореняется в теоретической области, тем свободнее от всякой практической направленности становится интерпретация повседневности, и особенно интерпретация воспоминаний об иных реальностях и ссылок на них²⁰. В таком отдалении от обыденности отрешаются и от собственной телесности, и от собственных интересов. Однако все, от чего дистанцировались, может истолковываться и переосмысливаться.

Таким образом, социально-феноменологическая теория трансцендентностей А. Шюца и Т. Лукмана способствовала экспликации проблемы социальных трансцендентностей, а также позволила раскрыть некоторые важные характеристики, возможности и пути трансцендирования социально непостижимого.

Было выявлено, что существование людей в социальном мире сопровождается различного рода трансцендентными переживаниями, связанными с обнаружением границ своего опыта; что в повседневной жизни человека постоянно присутствуют комплексы трансцендентностей как анклавы чего-то неразрешимого и беспорядочного, таящие в себе угрозу социального хаоса и утраты смысла существования. Осваивая пространство совместной жизни, люди подвергают интерпретации появляющиеся трансцендентные моменты, что приводит к образованию смысловых структур социального мира и созданию социального порядка. Поэтому социальное трансцендирование предстает, как мы считаем, коммуникативным по форме и семантическим по содержанию преодолением социальных трансцендентностей. Иными словами, можно утверждать, что происходят коммуникативно-смысловая организация социума,

совместное наделение его смыслами и значениями и, следовательно, все разнообразные проявления социально-трансцендирующих процессов (например, в науке, религии, искусстве, философии) оказываются не чем иным, как модификациями именно *коммуникативно-смыслового трансцендирования*.

Четко артикулируя специфические черты развертывания социального трансцендирования, подчеркнем, что оно имеет интенциональную и темпоральную природу, выступает «полифоничным» конститутивным процессом нетрансцендентального генеза и важнейшим механизмом конститутивной деятельности сознания. Акты превосхождения показывают себя, на наш взгляд, как перманентные «выходы и возвращения» потока сознания, его балансирование между восприятием и типизацией, уверенностью и сомнением, спонтанностью и продуманностью, перешагиваниями из одной сферы социальной реальности в другую (как из повседневности во внеповседневность и обратно, так и внутривседневными «поворотами и отворачиваниями»). Они характеризуются неосознанными плавными переключениями сознания или резкими его скачками к различным опытам, ощущениям, чувствам, мыслям, быстрой или постепенной сменой направления и интенсивности внимания и т. д.

Можно предположить, наконец, что процесс социального трансцендирования осуществляется посредством многомерных активных синтезов рационального и чувственного, психического и спиритуального, осознанного и неосознанного, выступая творческой деятельностью целостного сознания. При этом важно еще раз отметить, что подобные синтезы реализуются именно в коммуникативной ситуации. Доминантой данного процесса является, по нашему мнению, интуиция – как непосредственная очевидность в intersubъективном повседневном трансцендировании и как духовное видение во внеповседневном трансцендировании. В результате такой деятельности образуются социальные знания,

---

²⁰ Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 176–177.

пригодные к применению, подкрепленные типизациями и социально объективированными образцами толкований. Так понятое социальное трансцендирование, мы считаем, аутентично многомерности, полифоничности сознания

человека, конституирующего различные ярусы и аспекты повседневной и внеповседневной реальности, конструирующего мир вокруг себя и живущего в нем таким трансцендирующим, «путешествующим» образом.

Список литературы

1. Плотин. О прекрасном (I 6) / пер. А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Иск-во, 1980. Т. VI. С. 435–443.
2. Августин Блаженный. Исповедь // Августин Блаженный. Творения: в 4 т. Т. 1. Об истинной религии / сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 469–741.
3. Августин Блаженный. О количестве души // Августин Блаженный. Творения: в 4 т. Т. 1. Об истинной религии / сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 183–263.
4. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии // Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя: Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 36–205.
5. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя: Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 736–763.
6. Аминова А.Р. Трансцендирование как системообразующий элемент духовной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006. 140 с.
7. Пушкарева М.А. Идея свободы в ее трансцендентально-системном представлении: дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2005. 325 с.
8. Димитрова С.В. Онтологическое трансцендирование (условия обретения свободы) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и соц. технологии. 2010. № 1(11). С. 103–108.
9. Карпов А.О. К проблеме феноменологии творчества // Филос. науки. 2005. № 5. С. 105–119.
10. Акчурин Б.Г. Человеческая телесность и социальные аспекты ее идентификации: дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2004. 315 с.
11. Руткевич Е.Д. Томас Лукман // Современная американская социология: сб. ст. / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 227–250.
12. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
13. Дреер Й. Символ и теория жизненного мира: «Трансценденции жизненного мира и их преодоление посредством знаков и символов» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 3. С. 3–25.
14. Мерло-Понти М. Око и дух / пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Иск-во, 1992. 64 с.
15. Мерло-Понти М. В защиту философии / пер. с фр., примеч. и послесл. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1996. 248 с.

References

1. Plotinus. *O prekrasnom (I 6)* [On the Beautiful (I 6)]. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Pozdnyy ellinizm* [The History of Ancient Aesthetics. Late Hellenistic Period]. Moscow, 1980. Vol. 6, pp. 435–443.
2. St. Augustine of Hippo. *Ispoved'* [Confession]. St. Augustine of Hippo. *Tvoreniya. T. 1. Ob istinnoy religii* [Works. Vol. 1. On True Religion]. St. Petersburg, 2000, pp. 469–741.
3. St. Augustine of Hippo. *O kolichestve dushi* [On the Quantity of Soul]. St. Augustine of Hippo. *Tvoreniya. T. 1. Ob istinnoy religii* [Works. Vol. 1. On True Religion]. St. Petersburg, 2000, pp. 183–263.
4. Dionysius the Areopagite. *O nebesnoy ierarkhii* [On the Heavenly Hierarchy]. *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* [Works. Interpretations of Maximus the Confessor]. St. Petersburg, 2002, pp. 36–205.

5. Dionysius the Areopagite. O misticheskom bogoslovii [On the Mystical Theology]. *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Isповедnika* [Works. Interpretations of Maximus the Confessor]. St. Petersburg, 2002, pp. 736–763.
6. Aminova A.R. *Transtsendirovanie kak sistemoobrazuyushchiy element dukhovnoy deyatel'nosti* [Transcending as a System-Forming Element of Spiritual Activity: Diss.]. Ufa, 2006. 140 p.
7. Pushkareva M.A. *Ideya svobody v ee transtsendental'no-sistemnom predstavlenii* [The Idea of Freedom in Its Transcendental-Systemic Representation: Diss.]. Ufa, 2005. 325 p.
8. Dimitrova S.V. Ontologicheskoe transtsendirovanie (usloviya obreteniya svobody) [Ontological Transcendancy (Conditions of Freedom Finding)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2010, no. 1, pp. 103–108.
9. Karpov A.O. K probleme fenomenologii tvorchestva [On the Phenomenology of Creativity]. *Filosofskie nauki*, 2005, no. 5, pp. 105–119.
10. Akchurin B.G. *Chelovecheskaya telesnost' i sotsial'nye aspekty ee identifikatsii* [Human Corporeality and Social Aspects of Its Identification: Diss.]. Ufa, 2004. 315 p.
11. Rutkevich E.D. Tomas Lukman [Thomas Luckmann]. Dobren'kov V.I. (ed.). *Sovremennaya amerikanskaya sotsiologiya* [Contemporary American Sociology]. Moscow, 1994, pp. 227–250.
12. Abels H. *Interaktion, Identität, Präsentation: Kleine Einführung in interpretative Theorien der Soziologie*. Springer VS, 1997 (Russ. ed.: Abel's Kh. *Interaksiya, identichnost', prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu*. St. Petersburg, 2000. 272 p.).
13. Dreher J. Simvol i teoriya zhiznennogo mira: "Transtsendentsii zhiznennogo mira i ikh preodolenie posredstvom znakov i simvolov" [The Symbol and the Theory of the Life-World: "The Transcendences of the Life-World and Their Overcoming by Signs and Symbols"]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2011, no. 3, pp. 3–25.
14. Merleau-Ponty M. *L'oeil et l'esprit*. Paris, 1964 (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Oko i dukh*. Moscow, 1992. 64 p.).
15. Merleau-Ponty M. *Éloge de la philosophie et autres essais*. Paris, 1960. 376 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *V zashchitu filosofii*. Moscow, 1996. 248 p.).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.100

Zhanna V. Latysheva

Vladimir State University;
ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russian Federation;
e-mail: joan_lat@mail.ru

THE PROBLEM OF SOCIAL TRANSCENDING IN THE CONTEXT OF A. SCHÜTZ AND T. LUCKMANN'S THEORY OF TRANSCENDENCES

This article examines the problem of social transcending as one of the most important conditions for achieving social stability and unity and as a method of implementing social integration. Consideration of transcending in the social aspect is a very promising task in view of the importance and insufficient elaboration of this problem. One of the necessary sources that make up the theoretical and methodological basis of the research is the socio-phenomenological theory of transcendences of Alfred Schütz and Thomas Luckmann. Based on its study, a phenomenological interpretation of social transcendences is formed, and the essential features of social transcending are identified. Highlighting the three types of transcendences – “small”, “medium” and “great” – Schütz and

---

For citation: Latysheva Zh.V. The Problem of Social Transcending in the Context of A. Schütz and T. Luckmann's Theory of Transcendences. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 4, pp. 100–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.100

Luckmann show that only “medium” and “great” transcendences have a social nature. However, all three of these varieties are appresented through indications, signs and symbols. “Medium” transcendences are intersubjective, present in the world of everyday life, pointing to the unknown sides of the Other. Intersubjective transcendences are insurmountable, but through perception by analogy, probabilistic understanding of the Other is possible, and the experience of the Other is experienced in the communicative situation of the We-relationship. The “great” transcendences – sleep, dreams, ecstasy, death, theoretical orientations – are associated with extraordinary reality, marking a decisive departure from the borders of everyday life. This departure can be implemented both step by step and in the form of jumps, both chaotically, and planned and systematically. In an effort to overcome “medium” and “great” transcendences as something inexplicable and unpredictable, and therefore socially dangerous, people creatively interpret them in various communicative situations, linking them with certain meanings. In the course of this process, semantic organization and streamlining of society takes place, strengthening its security and stability. The article concludes that social transcending is communicative and semantic in nature and appears as such in various spheres of social creativity: science, art, religion, philosophy, etc.

Keywords: *social transcendence, social transcending, intersubjectivity, Other, A. Schütz, T. Luckmann.*

Поступила: 14.01.2019

Принята: 29.04.2019

Received: 14 January 2019

Accepted: 29 April 2019